

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

УДК 94 (438).082: 32.019.5

Киселёв А.А., к.ист.н., доцент,
Военная академия Республики Беларусь

В Польше события Второй мировой войны сохраняют актуальность в общественном мнении. По крайней мере, результаты социологических опросов показывают, что для 71 % поляков эта война все еще занимает значимое место в исторической памяти [1]. Однако исчезновение памятников Красной армии на территории Польши свидетельствует о том, что историческая память и политика в польском обществе существенно отличаются от представлений об истории Второй мировой войны, распространенных в российском и белорусском общественном мнении. В частности, демонтаж под предлогом строительства станции метро в ноябре 2011 г. на Виленской площади в Варшаве памятника Военного братства, возведенного в честь совместной борьбы против нацистской Германии Красной армии и Армии Людовой и в память о 600 тыс. погибших советских солдат и офицеров, является ярким примером несовпадения в оценках прошлого. 26 февраля 2015 г. столичная мэрия отказалась возвращать памятник на площадь. В это же время в прессе сотрудники Национального института памяти неоднократно называли памятник «символом власти Сталина над Польшей». В этой связи демонтаж 17 сентября 2015 г. в Пененжно бронзового барельефа, командующего 3-м белорусским фронтом И.Д. Черняховского является лишь продолжением такой исторической политики. Неслучайно глава местной администрации заявил, что этот памятник является

для поляков символом коммунизма, тоталитаризма и советизации.

Можно выделить несколько ключевых сюжетов, демонстрирующих существенные расхождения в оценках и осмыслении событий Второй мировой войны в современной Польше, России и Беларуси. В частности, в советской историографии присоединение Западной Белоруссии и Украины называлось «Освободительным походом Красной армии». В современной российской учебной литературе отмечается, что пакт Молотова-Риббентропа позволял СССР выиграть время для организации обороны и «восстановить государство в границах бывшей Российской империи» [2, с.193]. Несмотря на квалификацию Договора от 23 августа 1939 г. как «грубага парувэння правоў польскага народа на самавызначэнне», в белорусской историографии подчеркивается, что секретные протоколы «аб'ектыўна аднаўлялі нацыянальныя правы беларускага і ўкраінскага народаў» [3, с. 63]. Напротив, в польском общественном мнении и исторической публицистике дата 17 сентября 1939 г. безоговорочно расценивается как акт агрессии, сопоставимый

с нападением нацистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. Иные интерпретации и характеристики перехода советскими войсками советско-

польской границы воспринимаются как фальсификации. Так, версия о том, что ввод советских войск произошел только после того, как стало очевидным военное поражение Польши, а немецкие войска вышли к границам кресов, считается примером безусловной фальсификации. Например, в польской версии Википедии утверждается, что польское правительство покинуло страну лишь после того, как советские войска перешли государственную границу, а не наоборот [4]. В польской публицистике ввод Красной армии называется не просто нападением, но «предательским ударом в спину», нанесенным вопреки всем нормам международного права и двусторонним польско-советским соглашениям. Чаще всего просто пишется о совместной агрессии нацистской Германии и большевистской России против Польши.

Проблема заключается в том, что, за исключением отдельных исторических работ и публицистических статей, действия СССР рассматриваются преимущественно в морализаторской плоскости без попытки понять логику политических мотивов и интересов советских властей. Ввод Красной армии расценивается как проявление враждебной природы коммунистического государства. Еще одной важной деталью является то, что в польской политической мысли, общественном мнении советская внешняя и внутренняя политика зачастую воспринимается как продолжение дореволюционной российской политики в отношении Польши. При этом данная политика молчаливо трактуется как изначально враждебная для поляков. Важно то, что категорическое осуждение нарушения территориальной целостности Польши и ввода советских войск на территорию Западной Белоруссии и Украины, фактически закрепляет в польском общественном мнении представления о несправедливо утраченных исторических границах на востоке. В польской исторической публицистике даже появляются статьи, в которых вычисляется материальный ущерб, нанесенный Польше при присоединении «кресов». Так, в первом номере исторического приложения еженедельника «В сети» за 2015 г. последствия сентябрьских событий 1939 г. на востоке измеряются суммой в 732 млрд. евро [5, s. 60]. При этом автор статьи с красноречивым названием «Дорогое соседство» предлагает даже учредить в структуре министерства финансов департамент потерь поляков и польского государства в XX в.

Следует отметить, что Западная Белоруссия и Украина в исторической публицистике часто считаются оккупированными польскими территориями. Достаточно острой для польской историографии и общественно-политической мысли является проблема межнациональных отношений на кресах в период 1939–1941 гг. В частности, позитивное отношение национальных меньшинств довоенной Второй Речи Посполитой к вводу советских войск является темой для далеких от политкорректности дискуссий. Так, неслучайно тематический сентябрьский номер популярного исторического приложения либерально-консервативного еженедельника «К делу» за 2015 г. называется «Предательство на кресах» [6].

По сравнению со временами Польской Народной Республики боевые действия советских войск против Вермахта в современной Польше уже давно

не называются «Освобождением Польши», поскольку они напрямую увязываются с установлением коммунистической системы. Достаточно ярко это проявилось в оценках Варшавского восстания 1944 г. В польской историографии, общественном мнении распространено мнение о том, что советское политическое руководство в лице И. Сталина сознательно прекратило наступление Красной армии на Варшаву для того, чтобы повстанцы Армии Крайовой были уничтожены немецкими оккупационными силами. В частности, в интервью директора Отдела военно-исторических исследований Г. Ясинского утверждалось, что сперва Сталин планировал упредить восстание, взяв польскую столицу не позднее 5–8 августа 1944 г. Однако контрудар немецких войск, остановивший продвижение советских частей на ближних подступах к Варшаве, убедил политическое руководство СССР в том, что восстание будет подавлено очень быстро. По мнению польского историка, Сталин уже утвердил план наступательной операции на варшавском направлении, назначенной на 25 августа 1944 г. Только отчаянное сопротивление отрядов Армии Крайовой сорвало этот замысел, поэтому советское командование решило предоставить повстанцев своей судьбе. Даже факт перебросок по воздуху армейского снаряжения и медикаментов трактуется как вынужденная мера, на которую СССР пошел под давлением Великобритании. При этом такие действия подаются как средство, с помощью которого И. Сталин сознательно продлевал агонию польского восстания, зная о безнадежности их положения.

Интересно то, что документальных доказательств такой позиции советского руководства польскими авторами не приводится. Пробел обосновывается недоступностью советских архивов для польских историков. Одним словом, Варшавское восстание 1944 г. в польской историографии и общественном мнении является еще одним примером «советского предательства». Интересно, что идеологической деконструкции подверглись популярные со времен ПНР телесериалы «Четыре танкиста и собака» и «Ставка больше чем жизнь», которые показывались и в СССР. Летом 2006 г. после общественных протестов руководство телеканала TVP исключило сериал «Четыре танкиста и собака» из летней сетки вещания. Правда, в следующем году канал вновь выпустила сериал в эфир. Летом 2008 г. сериал «Четыре танкиста и собака» транслировался по историческому каналу TVPHistoria с комментариями историков Института национальной памяти. Каждый эпизод сериала перед показом предварительно обсуждался на предмет исторических фальсификаций. Такая же участь постигла сериал «Ставка больше, чем жизнь» о приключениях разведчика С. Колицкого заброшенного советской разведкой в тыл под именем немецкого офицера Г. Клосса [7]. В исторической публицистике детальному разбору подверглись история 1-й танковой бригады им. Героев Вестерплатте, в которой служил сериальный экипаж «Рудого». Показывается, что мало того, что сериал изобилует фактическими ошибками, начиная от участия бригады в конкретных операциях и заканчивая тем, что в Берлине польский экипаж танка под номером 102 мог побывать только в кино. Однако главным

считаются идеологические фальсификации. Так, после немецкой капитуляции танки бригады принимали участие в боях против не сложивших оружие отрядов Армии Крайовой. Личный состав танкистов был сформирован в основном из кресовых поляков, которые не могли считать, что для них родина начинается только на запад от Буга, не говоря о замалчивании причин нахождения главного персонажа в сибирской тайге.

Гораздо больше внимания последние годы уделяется антикоммунистическому польскому подполью и партизанским отрядам, так называемым «проклятым солдатам», которые оказывали сопротивление властям Польской Народной Республики. В частности, с 1 марта 2011 г. в Польше государственным праздником является Национальный день памяти «Проклятых солдат». В свою очередь показательно, что после 1991 г. в Польше больше не празднуется дата 12 октября, которая считалась Днем Народного Войска Польского и была приурочена к сражению под Ленино 12–13 октября 1943 г., ставшим боевым крещением 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко. Согласно общепринятой в Польше трактовке период с 1944 г. по 1947 г. является временем вооруженного сопротивления советским силам безопасности и подчиненным им спецслужбам ПНР. Последний боец сопротивления Ю. Франчак погиб 21 октября 1963 г. при попытке его задержания госбезопасностью. Эту дату тоже хотели возвести в ранг памятного события. Основной проблемой в общественном мнении и историографии являются споры вокруг того можно ли считать конфликт между подпольными отрядами «Второй конспирации» и войсками и спецслужбами ПНР, в результате которого погибло около 15 тысяч человек, проявлением гражданской войны или только борьбой с советским оккупационным коммунизмом. Против безоговорочной героизации «проклятых солдат» публично выступали лишь представители польских левых. Несложно предположить, что после победы на прошедших недавно парламентских выборах ПиС и поражения левых, отряды Армии Крайовой и Национального военного союза окончательно превратятся в главных польских героев Второй мировой войны. Напомним, что ликвидация памятника генералу И.Д. Черняховскому в сентябре 2015 г. мотивировалась его участием в аресте командиров отрядов Армии Крайовой во время переговоров польских партизан с советским военным командованием.

Таким образом, в польском общественном мнении, официальной исторической политике культивируется миф о Польше как жертве двух тоталитаризмов, исключая критическое отношение к польской довоенной внешней политики. Проблема утраченных территорий на востоке с польскими культурными центрами Вильно и Львова до сих пор переживается как трагедия. Ввод советских войск 17 сентября 1939 г. однозначно расценивается как вооруженная агрессия. В современной польской общественно-политической мысли исключается идея освободительного характера действий Красной армией в 1944–1945 гг. на территории Польши, поскольку с этого же момента, по мнению поляков, начинается период советского политического контроля над страной, который

становится причиной установления в стране социалистической модели общественного и политического устройства. Фактически речь идет о замене одного оккупационного режима на другой, причем более длительный по времени и, по мнению многих польских интеллектуалов, нанесший не меньший ущерб польской национальной культуре и идентичности. То, что в период Варшавского восстания советские войска не освободили польскую столицу в августе 1944 г., подается в основном как сознательно спланированная акция по уничтожению польского патриотического подполья немецкими руками. Очевидно, что такое видение роли СССР в польской истории, подкрепленное традиционными негативными стереотипами о России, существенно усложняет возможность польско-российского и польско-белорусского диалога.

Литература

1. 75 rocznica wybuchu II wojny światowej. – Warszawa: CBOS, 2014. – № 114. – 9 s.
2. История России, XX – начало XXI века. 9 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / А. А. Данилов, Л.Г. Косулина, М.Ю. Брандт. – М.: Просвещение, 2012. – 382 с.
3. Гісторыя Беларусі. 1917–1996: Вучэб. дапам. для 9-га кл. агульнаадукац. шк. / У.Н. Сідарцоў, В.М. Фамін, С.В. Паноў; пад рэд. М.С.Сташкевіча. – Мн.: Нар. асвета, 1999. – 192 с.
4. Agresja ZSRR na Polskę // Wikipedia. – [Electronic resource]. – Mode of access: https://pl.m.wikipedia.org/wiki/Agresja_ZSRR_na_Polsk%C4%99. – Data of access: 12.12.2015.
5. Kucharski, D. P. Kosztowne sąsiedztwo / D.P. Kucharski // W sieci historii. – 2015. – № 1. – S. 58–61.
6. Historia do Rzeczy. – 2015. – № 9. – S. 1.
7. Bagieński, W. Bolszewik w mundurze SA / W. Bagieński // Historia do rzeczy. – 2014. – № 12. – S. 16–19.